

Басня №90 — «Какой-то древний царь впал в страшное сомнение:»

Какой-то древний царь впал в страшное сомнение:

Не более ль вреда, чем пользы, от наук?

Не расслабляет ли сердце и рук

Учение?

И не разумнее ль поступит он,

Когда ученых всех из царства вышлет вон?

Но так как этот царь, свой украшая трон,

Душою всей радел своих народов счастьем

И для того

Не делал ничего

По прихоти, иль по пристрастью, —

То приказал собрать совет,

В котором всякий бы, хоть слогом не кудрявым,

Но с толком лишь согласно здравым

Свое представил: да, иль нет;

То есть, ученым вон из царства убираться.

Или попрежнему в том царстве оставаться?

Однако ж как совет ни толковал:

Кто сам свой голос подавал,

Кто голос подавал работы секретарской,

Всяк только дело затемнял

И в нерешимости запутывал ум царской.

Кто говорил, что неученье тьма;

Что не дал бы нам бог ума,

Ни дара постигать вещей небесных,

Когда бы он хотел.

Чтоб человек не боле разумел

Животных бессловесных,

И что, согласно с целью сей,

Учение к счастью ведет людей.

Другие утверждали,

Что люди от наук лишь только хуже стали:

Что всё учение бред,

Что от него лишь нравам вред,

И что, за просвещеньем вслед,

Сильнейшие на свете царства пали.
Короче: с обеих сторон,
И дело выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о науках спор остался не решен;
Царь сделал более. Созвав отовсюду он
Разумников, из них установил собрание
И о науках спор им предложил на суд.
Но способ был и этот худ,
Затем, что царь им дал большое содержание:
Так в голосах между собой разлад
Для них был настоящий клад;
И если бы им волю дали,
Они б доныне толковали
Да жалованье брали.
Но так как царь казною не шутил,
То он, приметя то, их скоро распустил.
Меж тем час-от-часу впадал в сомнение боле.
Вот как-то вышел он, сей мыслью занят, в поле,
И видит пред собой
Пустынника, с седою бородой
И с книгою в руках большой.
Пустынник важный взор имел, но не угрюмый;
Приветливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челе следы глубокой видны думы.
Монарх с пустынником вступает в разговор
И, видя в нем познания несчетны,
Он просит мудреца решить тот важный спор:
Науки более ль полезны или вредны?
«Царь!» старец отвечал: «позволь, чтоб пред тобой
Открыл я притчею простой,
Что размышленья мне внушили многолетны».
И, с мыслями собравшись, начал так:
«На берегу, близ моря,
Жил в Индии рыбак;
Проведши долгий век и бедности, и горя,
Он умер и троих оставил сыновей.
Но дети, видя,

Что с нуждою они кормились от сетей
И ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богаче задумали с морей,
Не рыбой, — жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однако ж был успех различен всех троих:
Один, ленивее других,
Всегда по берегу скитался;
Он даже не хотел ни ног мочить своих
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выбросит к нему волной:
А с леностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудов нисколько не жалея,
И выбирать умея
Себе по силе глубину,
Богатых жемчугов нырял искать по дну:
И жил, всечасно богачея.
Но третий, алчностью к сокровищам томим,
Так рассуждал с собой самим:
„Хоть жемчуг находить близ берега и можно,
Но, кажется, каких сокровищ ждать не должно,
Когда бы удалось мне
Достать морское дно на самой глубине?
Там горы, может быть, богатств несчетных:
Кораллов, жемчугу и камней самоцветных,
Которы стоит лишь достать
И взять“.
Сей мыслию пленясь, безумец вскоре
В открытое пустился море,
И, выбрав, где была чернее глубина,
В пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Он жизнью заплатил своею».
«О, царь!» примолвил тут мудрец:
«Хотя в ученьи зрим мы многих благ причину,

Но дерзкий ум находит в нем пучину
И свой погибельный конец,
Лишь с разницею тою
Что часто в гибель он других влечет с собою».